

ФРАНСУДЗА

САГАН

Смутная улыбка

*Сигнал
капитуляции*

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
С 13

Françoise Sagan
UN CERTAIN SOURIRE
Copyright © Julliard, 1956
LA CHAMADE
Copyright © Julliard, 1965
Published by arrangement with Lester Literary Agency

Перевод с французского
Аллы Борисовой, Николая Комина
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-28250-6

© А. К. Борисова, перевод, 1991
© Н. Н. Комин (наследник),
перевод, 2001
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука®

Спутная улыбка

Любовь — это то, что происходит между
двумя людьми, которые любят друг друга.

Роже Вайан

Часть первая

ГЛАВА 1

После двенадцати мы сидели в кафе на улице Сен-Жак, это был обычный весенний день, такой же, как все. Я немного скучала, потихоньку; пока Бертран обсуждал лекцию Спайра, я бродила от проигрывателя к окну. Помню, облокотившись на проигрыватель, я засмотрелась на пластинку: как она медленно поднимается, потом ложится на сапфировое сукно, прикасаясь к нему нежно, будто щека к щеке. И, не знаю почему, меня охватило сильное ощущение счастья: в тот момент я вдруг физически остро почувствовала, что когда-нибудь умру, и рука моя уже не будет опираться на этот хромированный бортик, и солнце уже не будет смотреть в мои глаза.

Я обернулась к Бертрану. Он смотрел на меня и, увидев мою улыбку, встал. Он и мысли не допускал, что я могу быть счастлива без него. Я имела право на счастье только в те минуты, которые были важными для нашей совместной жизни. Я уже начала понимать

это, но в тот день мне это было невыносимо — и я отвернулась. Рояль и кларнет, чередуясь, выводили «Покинутый и любимый», мне был знаком каждый звук.

Я встретила Бертрана в прошлом году, во время экзаменов. Мы провели бок о бок беспокойную неделю, пока я не уехала на лето к родителям. В последний вечер он меня поцеловал. Потом он мне писал. Сначала о пустяках. Затем тон его изменился. Я следила за этими изменениями не без некоторого волнения, и когда он написал мне: «Смешно так говорить, но, кажется, я люблю тебя», — я не солгала, ответив ему в том же тоне: «И правда смешно, но я тоже тебя люблю». Это вышло как-то само собой, вернее, внешне было созвучно тому, что написал мне он. В доме моих родителей, на берегу Ионны, было не очень весело. Я ходила на высокий берег и, глядя на скопище желтых водорослей, на их колыхание, начинала бросать шелковистые, обкатанные камешки, черные и стремительные на глади волн, как ласточки. Все лето я про себя повторяла: «Бертран», думая о будущем. В конце концов, договориться о взаимной страсти в письме было вполне в моем духе.

И вот теперь Бертран стоял позади меня. Он протягивал мне стакан. Я обернулась, и мы оказались лицом к лицу. Он всегда немного обижался на то, что я не принимала

участия в их спорах. Я любила читать, но говорить о литературе мне было скучно.

Он никак не мог к этому привыкнуть.

— Ты всегда ставишь одну и ту же мелодию. И знаешь, я ее очень люблю.

Последнее он постарался сказать равнодушно, и я вспомнила, что первый раз мы слушали эту пластинку вместе. Я постоянно обнаруживала в нем ростки сентиментальности — он помнил какие-то вещи, служившие вехами в нашей связи, которые моя память не сохранила. «Ведь он ничего не значит для меня, — вдруг подумала я, — мне скучно, я ко всему равнодушна, ничего не ощущаю, ровным счетом ничего». И снова чувство какого-то бессмысленного возбуждения подступило к горлу.

— Мне нужно повидать моего дядю-путешественника, — сказал Бертран. — Ты пойдешь?

Он прошел мимо меня, и я последовала за ним. Я не знала дядю-путешественника и не испытывала ни малейшего желания его узнать. Но что-то заставляло меня идти за этим молодым человеком, глядя на его чисто выбритый затылок, соглашаться, не сопротивляясь, а тем временем в голове моей проносились обрывки мыслей, холодные и ускользающие, как маленькие рыбки. Впрочем, я чувствовала к Бертрану нежность. Мы шли с ним по бульвару, звуки на-

ших шагов сливались так же, как ночью сливались наши тела; он держал меня за руку; мы были такие изящные, так хорошо смотрелись, как на картинке.

Пока мы шли по бульвару и стояли на площадке автобуса, который вез нас к дяде-путешественнику, я любила Бертрана. Из-за тряски меня бросало к нему, он смеялся и обнимал меня, защищая от толчков. Я прислонилась к нему, к его плечу, к мужскому плечу, такому удобному, чтобы положить на него голову. Я вдыхала его запах, он был мне хорошо знаком, он волновал меня. Бертран был моим первым любовником. Это благодаря ему я узнала, как пахнет мое собственное тело. Так всегда: благодаря телу другого мы узнаем собственное, его длину, запах, сначала с недоверием, потом с признательностью.

Бертран говорил мне о своем дяде-путешественнике, которого он, видимо, не любил. Он рассказывал о его поездках так, будто это была сплошная комедия; Бертран постоянно выискивал комедии в чужих жизнях, так что начал побаиваться, не разыгрывает ли комедию и он, сам того не замечая. Мне это казалось комичным. Его это приводило в ярость.

Дядя-путешественник ждал Бертрана на террасе кафе. Когда я заметила его, то сказала Бертрану, что он весьма недурен. Но мы уже подошли к нему, он поднялся.

— Люк, — сказал Бертран, — я пришел с подругой, это Доминика. Это мой дядя Люк — путешественник.

Я была приятно удивлена. Я подумала: «Очень даже ничего этот дядя-путешественник». У него были серые глаза, лицо усталое, пожалуй грустное. Он был по-своему красив.

— Как прошла последняя поездка? — спросил Бертран.

— Отвратительно. В Бостоне пришлось заниматься скучнейшим делом о наследстве. Всякие заплесневелые адвокаты суют нос во все углы. Очень надоело. А что у тебя?

— У нас через два месяца экзамены, — сказал Бертран.

Слова «у нас» он подчеркнул. В этом была супружеская сторона Сорбонны: говорить об экзаменах, как о грудном младенце.

Дядя повернулся ко мне:

— Вы тоже сдаете экзамены?

— Да, — сказала я неопределенно. (Моя деятельность всегда заставляла меня испытывать некоторый стыд.)

— У меня кончились сигареты, — сказал Бертран.

Он встал, и я проследила за ним взглядом. Он шел быстро, упругой походкой. Когда я порой думала, что весь этот набор мускулов, рефлексов, матовой кожи принадлежит мне, то всегда считала это удивительным подарком.

— Чем вы занимаетесь, кроме экзаменов? — спросил дядя.

— Ничем, — ответила я. — Всякой ерундой. — Я вяло махнула рукой.

Он поймал мою руку на лету. Я смотрела на него озадаченная. В голове моей пронеслось: «Он мне нравится. Немного староват, и он мне нравится». Но он опустил мою руку на стол и улыбнулся:

— У вас все пальцы перепачканы чернилами. Это хороший признак. Вы успешно сдадите экзамены и будете блестящим адвокатом, хотя по вашему виду не скажешь, что вы разговорчивы.

Я засмеялась вместе с ним. Мне захотелось, чтобы он стал моим другом.

Но тут вернулся Бертран; Люк заговорил с ним. Я не вслушивалась в их разговор. Люк говорил медленно, у него были большие руки. Я подумала: «Типичный соблазнитель юных девиц моего склада». Я насторожилась. Не настолько, впрочем, чтобы не почувствовать легкого укола, когда он предложил нам позавтракать через день всем вместе, но уже с его женой.

ГЛАВА 2

Два дня до этого завтрака у Люка прошли довольно скучно. Да и в самом деле, что мне было делать? Готовиться к экзамену, от

которого я не ждала ничего особенного, ваяться на солнце, заниматься любовью с Бертраном без особенной взаимности с моей стороны? Я, впрочем, любила его. Доверие, нежность, уважение — я не пренебрегала всем этим, мало думая о страсти. Такое отсутствие подлинных чувств казалось мне наиболее нормальным способом существования. Жить, в конце концов, значило устраиваться как-нибудь так, чтобы быть максимально довольным. Но и это не так легко.

Я жила в частном пансионе, населенном одними студентами. Хозяева отличались широким взглядом на вещи, и я спокойно могла возвращаться домой в час, в два ночи. У меня была большая, с низким потолком комната, совершенно голая, потому что мои первоначальные планы как-то ее украсить быстро провалились. От убранства комнаты я требовала одного — чтобы оно мне не мешало. В доме царил тот самый провинциальный дух, который я так люблю. Мое окно выходило во двор, огороженный низкой стеной, над ней кое-как примостилось небо, всегда урезанное по краям, зажатое со всех сторон небо Парижа, иногда вырывавшееся в убегающую даль над какой-нибудь улицей или балконом, волнующее и нежное.

Я вставала, ходила на лекции, встречалась с Бертраном, мы завтракали. Библиотека Сорбонны, кино, занятия, террасы кафе, дру-

зья. По вечерам мы отправлялись на танцы или шли к Бертрону, лежали в постели, занимались любовью и потом долго разговаривали в темноте. Мне было хорошо, но всегда во мне, словно теплое живое существо, был этот привкус тоски, одиночества, порой возбуждения. Я говорила себе, что у меня, должно быть, просто больная печень.

В пятницу, до завтрака у Люка, я зашла к Катрин и посидела у нее полчаса. Катрин была подвижна, деспотична и непрерывно влюблена. Я не столько дорожила ее дружбой, сколько ее терпела. Она считала меня существом хрупким, незащищенным, и мне это нравилось. Иногда она даже казалась мне удивительной. Мое равнодушие ко всему представлялось ей чем-то поэтичным, так же как оно долго представлялось поэтичным Бертрону, пока его не захватило желание обладать, всегда такое требовательное.

В этот день она была влюблена в одного из своих двоюродных братьев и очень длинно рассказывала мне об этой идиллии. Я сказала ей, что иду завтракать к родственникам Бертрона, и сама вдруг заметила, что уже немного забыла Люка. И пожалела об этом. Почему я не способна рассказать Катрин такую же нескончаемую и наивную любовную историю? Она даже этому не удивлялась. Мы с ней прочно утвердились каждая в своей роли. Она рассказывала — я слушала, она советовала — тут я уже не слушала.

Встреча с Катрин выбила меня из колеи. Я отправилась к Люку без всякого энтузиазма. Даже со страхом: надо разговаривать, быть любезной, казаться веселой. Насколько приятнее было бы позавтракать одной, повертеть в руках баночку с горчицей, и чтобы не было никакой ответственности, ни малейшей, совершенно никакой. Когда я пришла к Люку, Бертран был уже там. Он представил меня жене своего дяди. У нее было открытое, доброе, очень хорошее лицо. Крупная, немного тяжеловесная, светловолосая. В общем, красивая, но не вызывающая. Я подумала — она из тех женщин, которых многие мужчины хотели бы иметь рядом с собой, женщин, умеющих давать счастье, — словом, ласковых, мягких. Ласкова ли я? Надо будет спросить у Бертрана. Конечно, я брала его за руку, не кричала на него, перебирала его волосы. Но ведь я вообще терпеть не могла кричать, а моим рукам нравилось ласкать его волосы, теплые и густые, как мех какого-то животного.

Франсуаза с самого начала отнеслась ко мне очень мило. Показала мне квартиру — отлично обставленную, наполнила мне рюмку, усадила в кресло, заботливо и непринужденно. Неловкость, которую я чувствовала из-за своей немного поношенной юбки и обвисшего свитера, почти прошла. Ждали Люка, он был на работе. Я подумала, не надо

ли мне проявить хоть какой-нибудь интерес к профессии Люка, чего, вообще говоря, я никогда не делала. Мне хотелось спрашивать у людей: «Вы влюблены? Что вы читаете?» — но никогда меня не трогала их профессия — часто, с их точки зрения, вопрос первостепенный.

— У вас грустный вид, — заметила Франсуаза, улыбаясь. — Налить вам еще виски?

— Спасибо.

— У Доминики уже репутация пьяницы, — сказал Бертран. — И знаете почему?

Он вдруг встал и подошел ко мне с серьезным видом.

— Верхняя губа у нее коротковата: когда она пьет, прикрыв глаза, на лице появляется проникновенное выражение, не имеющее отношения к виски.

Говоря, он держал мою верхнюю губу между большим и указательным пальцем. Он демонстрировал меня Франсуазе, как молодую охотничью собаку. Я засмеялась, и он меня отпустил.

Вошел Люк.

Когда я увидела его, я еще раз подумала, и на этот раз с некоторой болью, что он очень красив. Его красота действительно причинила мне боль, как любая вещь, которой я не могла обладать. Мне редко хотелось чем-нибудь обладать, но тут я сразу поймала себя на мысли, что мне хочется взять это лицо

в руки, неистово сжать пальцами, прижать-ся губами к этим крупным, немного удлин-ненным губам. А ведь красив он все-таки не был. Потом мне это часто говорили. И не-смотря на это, хотя я видела это лицо всего два раза, было в нем что-то, что сделало его для меня в тысячу раз менее чужим, в тыся-чу раз более желанным, чем лицо Бертрана, который мне как-никак нравился.

Он вошел, поздоровался, сел. Он умел со-хранять удивительную неподвижность. Я хо-чу сказать, в медлительности его жестов бы-ло что-то напряженное, сдержанное, он как бы забывал о своем теле, и это даже трево-жило. Он с нежностью смотрел на Франсуа-зу. Я смотрела на него. Я не помню, о чем мы говорили. Особенно много говорили Берт-ран и Франсуаза. Надо сказать, я не могу без ужаса вспоминать всю эту преамбулу. В тот момент было достаточно проявить хоть не-много осторожности, замкнуться — и я бы ускользнула от него. Зато мне не терпится дойти до того первого раза, когда я была счастлива с ним. Одна мысль, что я опишу эти первые мгновения, вдохну на минуту жизнь в слова, наполняет меня радостью, горькой и нетерпеливой.

И вот завтрак с Люком и Франсуазой кон-чился. Потом, на улице, я сразу же приноро-вилась к быстрым шагам Люка, — как хо-дит Бертран, я забыла. Когда мы переходили

улицу, Люк взял меня за локоть. Помню, меня это стесняло. Я не ощущала ни своего предплечья, ни кисти, вяло повисшей вдоль тела, как будто там, где не было руки Люка, моя рука омертвела. Я не могла вспомнить, как же это я ходила с Бертраном. Потом они с Франсуазой отвели меня к портному и купили мне красное драповое пальто, а я была в таком оцепенении, что не смогла ни отказаться, ни даже поблагодарить их. Уже тогда в присутствии Люка все происходило очень быстро, развивалось стремительно. Потом время снова обрушилось как удар, снова появились минуты, часы, выкуренные сигареты.

Бертрана очень разозлило, что я приняла это пальто. Когда мы остались одни, он устроил мне настоящую сцену:

— Это совершенно невероятно! Неизвестно кто предложит тебе неизвестно что — и ты не откажешься! Более того, даже не удивишься!

— Это не известно кто. Это твой дядя, — выкручивалась я. — В любом случае я не смогла бы купить это пальто сама: оно ужасно дорогое.

— Ты могла бы обойтись и без него, я полагаю.

За два часа я успела привыкнуть к новому пальто — оно мне удивительно шло, — и эта последняя фраза меня немного заде-

ла. В моих рассуждениях была все-таки некоторая логика, ускользавшая от Бертрана. Я сказала ему об этом, мы стали спорить. В заключение он привел меня к себе без обеда, в виде наказания. Наказанием это было для него, я знала, что час обеда — самый важный, самый почитаемый им час суток. Он лежал рядом со мной и целовал меня с осторожностью и трепетом, это трогало меня и пугало. Мне больше нравилось веселое бесстыдство первой поры нашей связи, молодые, по-животному непосредственные объятия. Но когда я почувствовала его всего, когда он стал нетерпеливо искать меня, я забыла нынешнего Бертрана и наше взаимное недовольство. Со мной был прежний Бертран, и это ожидание, и это наслаждение.

И сейчас, именно сейчас, счастье, физическое самозабвение кажутся мне невероятным подарком, и поэтому особенной насмешкой представляется необходимость признать это главным, несмотря на все мои былые выводы и ощущения.

ГЛАВА 3

Мы еще несколько раз обедали вчетвером или с друзьями Люка. Потом Франсуаза уехала на десять дней к своим друзьям. Я уже полюбила ее; она была необыкновенно внимательна к людям, очень добра, в ее

доброте чувствовалась большая твердость, а порой боязнь чего-то в людях не понять, и это нравилось мне больше всего. Франсуаза была как земля, надежная, как земля, а иногда ребячливая. Они с Люком часто смеялись вместе.

Мы провожали ее с Лионского вокзала. Я уже была не такой робкой, как вначале, напротив — почти раскованной: словом, я повеселела, потому что исчезновение вечной моей тоски, которой я все еще не решаюсь дать название, внесло приятную нотку в мой характер. Я стала живой, иногда озорной; мне казалось, что такое положение вещей может продолжаться бесконечно. Я привыкла видеть Люка, а внезапное волнение, охватывавшее меня при встрече с ним, приписывала эстетическим причинам или привязанности. У вагона Франсуаза улыбнулась.

— Я вам его доверяю, — сказала она нам.

Поезд отошел. Когда мы возвращались, Бертран отстал, чтобы купить уж не знаю какой литературно-политический журнал, что-то его там возмутило. Люк вдруг повернулся ко мне и очень быстро сказал:

— Пообедаем завтра вместе?

Я начала ему говорить: «Хорошо, я спрошу у Бертрана», — но он меня перебил: «Я вам позвоню», — и повернулся к Бертрану, в этот момент нас догнавшему.

Саган Ф.

- С 13 Смутная улыбка ; Сигнал капитуляции : романы / Франсуаза Саган ; пер. с фр. А. Борисовой, Н. Комина. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 352 с. — (Азбука-бестселлер).

ISBN 978-5-389-28250-6

Франсуаза Саган — странная звезда французской литературы, неизменно современный классик вне любой современности. Свои истории о любви в пустоте, где событий в мире нет, но всегда есть приятное времяпрепровождение, она писала под влиянием экзистенциализма Жан-Поля Сартра. Ее рассказы явно вдохновлены Мопассаном. Отчасти она — литературная сестра Сэлинджера, творческий предок Салли Руни: микроскопические движения души всегда интересовали и ее саму, и ее героев гораздо больше, чем любые внешние события и личные поступки. И при этом в реальной жизни Саган находилось место и скандалам в светской хронике, и азартным играм, и бурной любви, и очень объемной реальности — например, парижским событиям 1968 года. Она жила как заблагорассудится в мире, где женщине все еще предназначалась скучная, узкая, подчиненная роль «украшения», и все ее героини исподволь или открыто бунтуют против такого кастинга: притворно играя по правилам, порой чрезмерно увлекаясь и даже начиная искренне верить в собственную игру, они подрывают навязанные законы уже тем, что постоянно очень ясно их осознают.

В этот сборник вошли две оглушительно честные истории о рождении и смерти любви: «Смутная улыбка» — повесть о заведомой ее безнадежности и о том, как влюбленная женщина способна обманывать себя, и «Сигнал капитуляции» — роман о любви, которая случается неотвратно и так же неотвратно сходит на нет, когда на женщину смотрят лишь как на украшение, которым лестно обладать.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ФРАНСУАЗА САГАН
СМУТНАЯ УЛЫБКА
•
СИГНАЛ КАПИТУЛЯЦИИ

Ответственный редактор Анастасия Грызунова
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Алины Леонтьевой
Корректоры Лариса Ершова, Татьяна Бородулина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 10.03.2025.
Формат издания 84 × 96 1/32. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Усл. печ. л. 16,39. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01 Факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01 Факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-ABA-37266-81-R